

Цинь Хаодун уже внимательно прочитал "Сборник лекарственных средств". В ней была богатая Духовная Ци. Даже если это и не был оригинальный сборник, то это была копия, пришедшая из династии Мин.

По неизвестной причине она досталась Ли Минтэ. Ли Минтэ взял ее и сказал, что она принадлежит ему. Это ничем не отличалось от софизма.

Но Цинь Хаодун путешествовал по Миру Культивации уже 500 лет. Он видел всякое и сталкивался со многими неразумными людьми. У него было сто способов решить проблему софизма.

Он глазами показал Су Хунбо, чтобы тот не нервничал, а затем сказал Ли Минтэ: "Это действительно оригинальная копия Compendium of Materia Medica, но она принадлежит Хуася и не имеет к тебе никакого отношения".

Ли Чжунки, которого только что одурачил Цинь Хаодун, теперь воспользовался возможностью отомстить. Он закричал: "Книга находится в наших руках. Почему она должна принадлежать вам?"

Цинь Хаодун сказал: "Потому что ты одолжил его у нас".

"Ха... Ха... Ха... Ха... Ха..." Ли Чжунки высокомерно рассмеялся. "Почему бы вам не сказать, что мы его украли?"

Су Хунбо и Фан Хэлун тоже выглядели растерянными. Они не знали, что собирается делать Цинь Хаодун. Противники явно собирались прибегнуть к софистике. Как они могли признать, что это было позаимствовано у Хуася?

Глаза всех зрителей были прикованы к лицу красивого молодого человека, ожидая, что он ответит.

"Доказательств кражи нет, но есть квитанция на книгу". Цинь Хаодун сказал: "Вчера вечером я также видел расписку, которая показывает, что вы взяли эту книгу во времена династии Мин".

Как только он это сказал, все присутствующие сразу же заволновались.

"Неужели? Неужели они действительно одолжили эту книгу у Хуася?"

"Раз Мудрец медицины так сказал, значит, у него есть на то причины. Я предпочитаю верить Мудрецу..."

"Эти люди действительно ненавистны. Они взяли его у нас в долг, но сказали, что он принадлежит им. Я не ожидал, что там еще есть расписка..."

Выражение лица Ли Чжунки резко изменилось. Он воскликнул: "Это невозможно. Как у вас может быть расписка в получении книги, написанной сотни лет назад?"

Цинь Хаодун усмехнулся и сказал: "Поскольку книга, которую вы одолжили, хранилась у вас сотни лет, и она прекрасно сохранилась, мы можем сохранить и расписку".

Ли Чжунки все еще хотел что-то сказать, но его остановил Ли Минтэ. Он повернулся к Цинь Хаодуну и торжественно спросил: "Ты сказал, что видел расписку о займе?"

Цинь Хаодун ответил: "Конечно, я видел не только расписку о получении сборника лекарственных средств, но и национальное письмо, написанное вашей страной в Хуся, с просьбой помочь облегчить страдания вашего народа".

Услышав сарказм в словах Цинь Хаодуна, выражение лица Ли Минтэ резко изменилось. Он воскликнул: "Это невозможно! Покажите нам доказательства".

"Конечно, у меня есть доказательства. Дед Су Хуэя - профессор археологии на историческом факультете Шанхайского университета. Я видел расписку от него". Цинь Хаодун посмотрел на него горящими глазами и сказал: "Если я вытащу эту квитанцию, вы вернете нам книгу?"

После того как он закончил говорить, все взгляды упали на лицо Ли Минтэ. Тысячи зрителей тут же закричали в волнении: "Верните! Верните!"

Столкнувшись с таким сильным давлением и камерами перед собой, Ли Минтэ в конце концов почувствовал себя немного неловко. Он сказал: "Если вы можете достать квитанцию об одолжении, мы, естественно, вернем ее. Но квитанция должна быть проверена господином Чо, нашим археологическим экспертом, чтобы убедиться, что она подлинная".

Он сказал это потому, что, с одной стороны, под давлением общественного мнения у него не было выбора, а с другой стороны, он не верил, что Цинь Хаодун действительно мог выбить расписку.

"Ну, подождите минутку. Мы скоро вернемся".

Цинь Хаодун взял Су Хуэя и вместе с ним ушел. Таким образом, из-за расписки о займе встреча по обмену была приостановлена. Однако никто не ушел, все с нетерпением ждали, вернется ли Цинь Хаодун с квитанцией о заимствовании Компендиума Материи Медицины.

Выйдя за дверь, Су Хуэй остановил Цинь Хаодуна и спросил: "Когда ты видел расписку в доме моего деда? Почему я ее не видел?"

Цинь Хаодун засмеялся и сказал: "Я тоже не видел. Ее не существует".

"Как... как ты можешь это сделать?" Су Хуэй нервно сказал: "Ты знаешь, что встреча транслируется в прямом эфире в Хуася и даже в Корё?"

"Вы очень шутите. А если вы не сможете предъявить квитанцию? Вы признаете, что "Компендиум материя медика" принадлежит им? Признаешь ли ты, что Ли Шичжэнь принадлежит им, а мы изучали китайскую медицину у них?"

Цинь Хаодун повел Су Хуэя в машину. Внедорожник Mercedes-Benz был уничтожен, так что это была новая машина, выбранная семьей Чжэн, Land Rover высшего класса.

За рулем он сказал: "Не волнуйся. Ничего страшного. Все в порядке, пока я могу сделать расписку".

"Поскольку эти парни ведут себя неразумно, мы должны принять гибкие меры".

Су Хуэй поспешно сказал: "Но расписка о займе должна быть старинной. Ее нелегко изготовить. Даже если ты сможешь подделать ее, у них есть эксперт по оценке антиквариата, так что будет легко определить, что это подделка".

Цинь Хаодун улыбнулся и сказал: "Не волнуйся. Ничего страшного. Они не узнают".

"Но..."

Су Хуэй все еще немного волновался. Цинь Хаодун сказал: "Тебе не нужно говорить "но" сейчас. У тебя есть идея получше?"

"Нет... Я не..."

Су Хуэй больше ничего не сказала. Она думала о только что произошедшей сцене. Если бы Цинь Хаодун не использовал этот метод, они бы не справились с провокацией Ли Минтэ.

"Раз уж нет другого выхода, доверься мне. Я точно не разочарую тебя".

Дом Лю Цигуна находился недалеко от Шанхайского медицинского колледжа. Благодаря хорошим навыкам вождения Цинь Хаодуна, они добрались до его дома менее чем за пять минут.

После того как они вошли в дом, Лю Цигун отдыхал дома и занимался каллиграфией в своем кабинете. Увидев Цинь Хаодуна и Су Хуэя, он сказал: "Разве сегодня не день культурного обмена? Почему вы двое здесь?"

Цинь Хаодун в нескольких словах рассказал всю историю, а затем сказал: "Дедушка, быстро одолжи мне перо и чернила. Я составлю расписку".

Повернувшись, он сказал Су Хуэю: "Иди найди морковь, а потом открой компьютер, чтобы найти изображение национального письма, которое мы видели вчера. Я хочу посмотреть, как выглядит печать короля Корё, а потом я сделаю ее копию".

До сих пор Су Хуэй могла только безоговорочно сотрудничать. Пообещав, она бросилась на кухню и выхватила у Чжу Дунмэй большую красную морковь.

Выслушав его, Лю Цигун надолго открыл рот. Когда он увидел, как Цинь Хаодун расправляет бумагу, он пришел в себя и сказал: "Какой ты непослушный, малыш. Все антикварные вещи несут на себе отпечаток долгой истории. Как их можно так легко подделать?"

"Все национальные письма того времени были написаны Ким Дэгуном, и его стиль письма был уникальным. Разве можно такое забыть?"

Пока он говорил, он беспокойно расхаживал взад-вперед. "Давайте сделаем так. Я погружался в каллиграфию 40-50 лет, и я едва могу подделать её, чтобы достичь 70-80 процентов почерка Ким Дэгуна. Я напишу это для вас. Сможете ли вы справиться с этим, зависит от удачи...".

Но когда он обернулся, то вдруг замер в оцепенении, как будто его заморозили.

Цинь Хаодун отложил кисть в сторону. Он закончил писать. Хотя чернила на бумаге еще не высохли, каждое слово было написано энергично. Самое главное, что каждое слово было точно таким же, как у Ким Дэгуна.

Если бы не тот факт, что в комнате больше никого не было, он бы подумал, что это написал Ким Дэгун.

Цинь Хаодун указал на квитанцию, которую он только что написал на столе, и сказал: "Дедушка, что ты думаешь о моем почерке?"

"Отлично! Великолепно! Это так здорово! Очень похоже. Нет! Нет! Нельзя сказать, что это вообще копия. Он точно такой же, как настоящий!"

Лю Цигун посмотрел на слова перед собой и спросил в изумлении: "Маленький Цинь, как ты это сделал?"

Цинь Хаодун улыбнулся и сказал: "Ничего особенного. Я уже несколько лет продаю каллиграфию и живопись. Я напишу одну, когда буду свободен".

"Потрясающе! Это действительно удивительно!"

Лю Цигун посмотрел на каллиграфию и был поражён. Он занимался каллиграфией десятилетиями, но не был так хорош, как Цинь Хаодун. Между ним и Цинь Хаодуном была большая пропасть.

Никто во всей Хуася не мог имитировать эти слова на таком уровне. Самым важным было то, что Цинь Хаодун потратил всего одну-две минуты, и для него это было просто легко.

"Я достал морковку!"

В этот момент вошла Су Хуэй с большой морковью в руке.

Цинь Хаодун взял морковь и положил рядом с собой нож для фруктов. Он взглянул на фотографию национального письма на экране компьютера и начал подделывать его. Меньше чем за минуту он вырезал печать.

Он взял большую печать, вырезанную из моркови, и прикоснулся ею к чернилам сбоку. Затем он нажал на печать и на нижний угол квитанции.

"Готово!"

Лю Цигун высунул голову и посмотрел. Он снова был потрясен и ошеломлен.

Он был археологом с удивительным зрением. Если бы он не увидел большую печать, вырезанную Цинь Хаодуном с помощью морковки, он бы действительно подумал, что это подлинная печать национального письма.

Не желая сдаваться, он взял лупу, чтобы рассмотреть ее. Но результат был все тот же. Он не смог найти ни одного изъяна, кроме мокрых чернил.

Он почувствовал, что вот-вот рухнет. Он спросил с жестким выражением лица: "Маленький Цинь, как ты это сделал?".

Цинь Хаодун улыбнулся и сказал: "Ничего особенного. Я учился готовить несколько лет в свободное время. Я хорошо умею резать".

Су Хуэй тоже вздохнул и сказал: "Мне действительно интересно. Есть ли что-то, что ты не можешь сделать?".

"Да!" Цинь Хаодун задумчиво сказал: "Кажется, я не могу родить ребенка!".

Су Хуэй кокетливо посмотрела на него и сказала: "Ты несерьезно".

Лю Цигун опомнился и сказал: "Маленький Цинь, хотя твой почерк и печать безупречны, квитанция все равно поддельная".

"Расписка, которая нам нужна, датируется 500 годами, но эта бумага новая, твой почерк новый, и печать тоже новая. В конце концов, ты все равно не сможешь их обмануть".

<http://tl.rulate.ru/book/23213/2980034>